

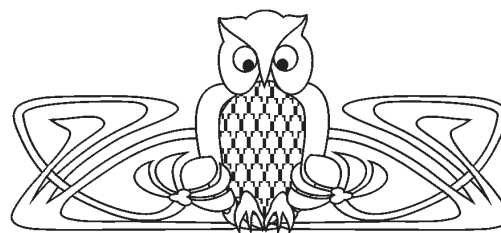

УДК 101.1.316

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ОСНОВА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

С. М. Фролова

Поволжский институт им. П. А. Столыпина, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

В статье повседневность рассматривается как фундаментальная составляющая процесса институализации; проанализировано влияние на формирование норм социального взаимодействия таких составляющих, как жизненный опыт, здравый смысл, нормы, ценности.

Ключевые слова: повседневность, институционализация, повседневное бытие, институциональность общества, социализация общества.

Daily Life as a Basis of Institutionalization of Society

S. M. Frolova

Daily life is considered as a fundamental component of the institutionalization process. The influences of such components as life experience, common sense, norms, and values on the formation of social interaction norms are analyzed.

Key words: daily life, institutionalization, daily being, institutional character of the society, socialization.

Процесс «организационного упорядочения», или институализации, как известно, ориентирован на удовлетворение важнейших социальных потребностей, его возникновение обусловлено общественной необходимостью, которая отражает взаимосвязь социальной группы и среды ее существования. Определяется необходимость и важность создаваемого института для общественного развития только практикой и социальным взаимодействием в процессе повседневной жизнедеятельности индивидов. Следовательно, доминирующей составляющей институциональных процессов является повседневность, поскольку все, что познается, создается и укрепляется в обществе, проходит апробацию через действия субъектов в их повседневной жизнедеятельности, поэтому представление о повседневности как о ««низшем» регистре социальной реальности» по меньшей мере несправедливо.

Причины восприятия повседневности как примитивной сферы обусловлены, согласно В. В. Корневу, тем, что «процессы повседневности развиваются намного быстрее», чем осознание их необходимости, поэтому сегодня важна «корректировка ряда важнейших <...> положений современного научного дискурса в сфере анализа повседневного мира»¹. Эти процессы активно

воздействуют на системообразующий фактор социальных действий – институционализацию.

Становление социальных институтов – сложный и длительный процесс. Формирование первых из них привязано к созданию социальных механизмов адаптации человека к среде обитания. Для сохранения человеческой общности в процессе повседневного бытия вырабатывались социальные стандарты, нормы поведения, которые упорядочивали социальные отношения, структурировали жизненное пространство и обеспечивали социальную устойчивость общественного развития. Повседневность можно понимать как фундаментальную основу, ядро, благодаря которому формируется институциональность общества.

Сегодня проблема институализации становится объектом исследования в разных областях гуманитарного знания. В области социологической проблематики особого внимания заслуживает теория С. Г. Кирдиной, изложенная в работе «Институциональные матрицы и развитие России». В ней автор, анализируя развитие восточного и западного общества, выделяет институциональные матрицы (X и Y) как устойчивые исторически сложившиеся системы базовых институтов, регулирующих экономическую, политическую и идеологическую подсистемы общества². Институциональная матрица обеспечивает воспроизводство социальной структуры в разных типах общества и способствует выживанию и сохранению целостности общества в разных материально-технических условиях.

Сложно не согласиться с автором работы, что социальный институт является глубинным регулятором общественных явлений. Он может быть оформлен как «в официальном порядке», т. е. через правовое регулирование, так и «неформально» – через обычаи, традиции, нормы поведения; заметим, что второй путь формирования возник значительно раньше первого и неотделим от повседневной деятельности человека.

Возникновение «базового института», полагает Кирдина, происходит *только тогда*, когда «установлена устойчивая форма связи социальных субъектов» которая существует постоянно и «воспроизводится одновременно на формальном и неформальном уровнях, пронизывая все

сферы общественной жизни»³. Таким образом, существование институциональной матрицы возможно только при условии становления институтов «официального порядка». При этом подчеркивается, что понятие базового института не редуцируется к его составляющим, т. е. является целостным.

Если целостность понимать как взаимообусловленность и взаимосвязанность всех составляющих, то остается неясным, почему только базовые институты (к которым отнесены политика, экономика и идеология) могут «регулировать основные общественные сферы», а также непонятно, какой единый фактор способствовал формированию этих базовых институтов. Ответ на данный вопрос пытается дать С. В. Цирель. Анализируя инновационный подход С. Г. Кирдиной, он предположил, что, возможно, основу и устойчивость институциональной матрицы могут составлять феномены коллективного бессознательного, «закрепляющие в народной памяти “правильный образ” своего народа...»⁴ и подводящие под этот образец любое изменение институциональных и культурных форм. Вероятно, в этом контексте «правильный образ» соответствует выработанным в процессе повседневной жизни установкам, регулирующим не только институциональные, но и любые происходящие в социуме процессы.

Повседневность соответствует термину «матрица» (лат. *matrix, matrices* – материнская утроба). Любое онтологическое основание, прежде чем закрепиться в обществе как «правильный образ», должно пройти путь апробации (развитие внутри социальной группы) и только после этого может быть утверждено (рождено) как правило, как формализация установленного комплекса действий в определенных ситуациях. Поэтому повседневность как постоянная составляющая бытия любого общества является основой институционализации, определенные Кирдиной характеристики институциональной матрицы – «глубинность» и «историческая устойчивость» – могут быть соотнесены с такими неизменными регуляторами повседневной жизни, как жизненный опыт и здравый смысл.

Если исходить из того, что главными функциями повседневности являются сохранение, выживание, воспроизводство человека, общества, культуры⁵, то для этого необходимы такие составляющие повседневного бытия, как «жизненный опыт» и «здравый смысл», вбирающие в себя груз многовекового прагматически обусловленного бытийственного опыта человека и социума. Жизненный опыт и здравый смысл как «система представлений и ценностей, несущих функцию “общего языка” (основы взаимопонимания и гаранта возможности самой жизни социума), опирающиеся на общепринятость и/или обще-

значимость»⁶, являются своего рода архетипическими социальными формами, смысловыми матрицами, заложенными в основу любых общественных отношений, а следовательно, играют доминирующую роль в институционализации, т. е. формировании социальных установок и действий.

Жизненный опыт, опорой которому служит здравый смысл, берет начало в повседневной практике. Любой человек интуитивно понимает, что практическое постижение общепринятых устоев общества, в котором он родился, является для него жизненно необходимым и значимым. Фундаментом опыта, базирующегося на традициях и обычаях (которые есть не что иное как унаследованная стереотипная форма социальной регуляции деятельности определенного общества), является повседневная практическая деятельность многих поколений. Основанная на здравом смысле, на навыках поиска компромисса между различными социальными группами жизненная практика не требует критического осмысления и доказательства своей значимости, выработанные ею нормы принимаются как не оспуемый критерий, как образец бытия.

Здравый смысл не выходит за рамки повседневности – более того, как полагают исследователи, это «фундамент, на котором строится повседневная жизнь»⁷, формируется опыт, внедряются новации, не нарушая стабильного существования общества. Здравый смысл формировался в повседневной практике коллектива и благодаря ей подтвердил свою значимость и необходимость, сумев (опираясь на жизненный опыт) сложное сделать понятным через установку общезначимых норм. Нормы, выработанные в обыденной среде, впоследствии порождают институты и являются исходным пунктом институционализации. Таким образом, *процесс институционализации выступает как элемент внутренней установки, основанный на повседневном опыте поколений, способствующий укреплению в сознании людей социального порядка.*

Социальный порядок, согласно утверждению П. Бергера и Т. Лукмана, существует лишь как продукт человеческой деятельности, поскольку внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его обеспечить «стабильное окружение для своего поведения»⁸. Для выяснения причин формирования и существования социального порядка обратимся к детально исследуемому П. Бергером и Т. Лукманом процессу эволюции институализации. Рассматривая механизм формирования институализации на уровне повседневности, они используют методологию конструирования реальности и утверждают, что любая повторяющаяся изо дня в день деятельность подвергается «естественной» институционализации, включающей хабиутализацию, типизацию и легитимизацию (объективизацию)⁹.

Хабитуализация – «опривычивание» – выстраивает для социальных субъектов «задний план», преобразуя их привычную деятельность в рутинную, которая трансформируется в образец поведения и тем самым сокращает варианты выбора действия индивида в привычной ситуации и экономит его энергию и внимание для неизбежных инноваций. Таким образом, хабуализация типизирует и деятельность, и действия социального субъекта.

Типизация опривыченных действий – второй этап «естественной» институционализации – связана с предвидением действия другого, а установка «он делает это снова» трансформируется в «мы делаем это снова», что значительно расширяет сферу совместных рутинных действий субъектов и делает их опыт более доступным. Необходимо отметить, что А. Шютц также полагал, что институционализация является «элементом сети типизаций». Основным процесс типизации, по Шютцу, «состоит в исключении того, что делает индивида единственным и незаменимым»¹⁰, т. е. способствует уравниванию черт при определенном действии или принятии решений.

Этап легитимации тесно связан с процессом экстернализации, благодаря которому социальные практики обретают устойчивость в сознании субъекта как реальность, не поддающаяся изменению, и теперь институциональный мир «воспринимается как объективная реальность». На этом этапе установка «мы делаем это снова» трансформируется в «именно так это делается», а предсказуемые действия индивида становятся для него принудительно обязательными. При этом легитимация – объяснение этих действий – опирается на традицию и историчность.

Таким образом, заданная в прошлом установка дает эффект «исторической обусловленности» и оказывает значительное влияние на настоящее, замыкая в определенные рамки выбор будущего и обеспечивая тем самым единую временную структуру функционирования. Каждый человек в повседневном бытии принимает определенные стандарты поведения, исходящие из социальной среды, которые сложились в процессе многолетнего каждодневного существования людей и помогают преодолеть индивидууму возможные непредсказуемые жизненные ситуации. Приобретенный в процессе повторяющихся действий в повседневной жизнедеятельности багаж знаний способствует закостенелости, стандартности в принятии решений для привычных ситуаций, но при этом процесс институционализации нельзя назвать статичным. Благодаря постоянному апробированию норм повседневной жизни он динамичен и непрерывен, поскольку повседневность – это всегда активный процесс, проявляющийся в действиях субъектов.

Институционализация как непрерывный «диалектический процесс» способствует рас-

ширению границ повседневного бытия, ведь субъект «со дня своего рождения вовлекается в мир норм, стандартов, знаков, шаг за шагом осваивает особым образом интегрированные поведенческие практики, творящие его как социальное существо»¹¹, помогающие адаптироваться к окружающему миру, неотделимому от организационного порядка.

Организационный порядок (или организация) наделен признаками и характеристиками социального института, поскольку оба феномена являются результатом вынужденной необходимости в процессе развития социума. Д. Норт в работе «Институт, институциональные изменения и эффективность экономики» разводит понятия института и организации, полагая, что институты – это «правила игры в обществе», а организации – это субъекты социальной жизни¹². Но здесь важно учитывать, что основой организации (как и института) являются нормы, «правила игры», выработанные для субъектов, которые составляют основу и института, и организации. Организация выполняет функцию «упорядочивания и социального контроля действий ее членов», определяется «набором специфических социальных норм, регулирующих соответствующие типы поведения»¹³ и является основным условием обеспечения устойчивости социальной системы, основанной на выработке определенных норм совместного бытия.

Г. Спенсер характеризовал организацию как «социальный организм», в котором работа каждого органа должна подчиняться единому центру и не может нарушать слаженной системы деятельности всего организма, что предполагает существование сдерживающих или запрещающих структур. Английский мыслитель полагал, что «все организации, к какому бы роду они ни принадлежали, иллюстрируют для нас тот закон, что успешность какой-либо деятельности может идти только рука об руку со специализацией как строения, так и функций, – специализацией, которая неизбежно предполагает сопутствующее ей ограничение»¹⁴. Институты являются определяющими в возникновении социальных характеристик и появляются независимо от воли и желания человека: имеется в виду совершение людьми каждодневных практик, которые естественны для социальной среды и соответствуют нормам и ограничениям определенной исторической эпохи, устанавливающей свои правила и стандарты, обязательные для исполнения всеми субъектами общества, дабы не нарушать его стабильного существования.

Стабильность социальных институтов обеспечивается также аксиологическими установками, так как их эффективное функционирование возможно только в случае их соответствия требованиям человека, его ценностным структурам,

«отселекцированным» повседневной практикой как наиболее безопасным и необходимым. В этой связи заслуживает внимания замечание В. Б. Устьянцева о недостаточности исследования природы институционального человека только через его отношение к институциональным порядкам и социальным структурам, поскольку такая методология, как справедливо полагает автор, не учитывает формирования институционального человека «через отношения с другими людьми»¹⁵. С данным утверждением невозможно не согласиться, ведь повседневность – это не просто рутинная и бесконечная череда дней, это прежде всего становление ценностей, обретение навыков, выработка *смысла существования* и действий человека.

Смысл человеческой жизни, согласно замечанию Г. Риккерта, возможно истолковать «лишь тогда, когда мы знаем ценности, придающие ей смысл»¹⁶. Но проблема в том, что понимание ценности субъективно и в повседневном бытии восприятие одной ценности может сопровождаться двумя не сводимыми одно с другим мнениями, т. е. что полезно и ценно для одного, для другого в лучшем случае безразлично. Для преодоления такого дуалистического восприятия обществом на протяжении веков вырабатывались общепризнанные ценности, соответствующие реалиям человеческого бытия, которые «совпадают с уровнями повседневной жизни или структурой познавательной деятельности»¹⁷, способствуют духовному развитию человечества, помогают определить нормы совместного бытия и обрести смысл существования.

Повседневная жизнедеятельность, с одной стороны, способствует определению общих ценностей, одинаково важных для общества, испытывая их «на прочность» в меняющихся аксиологических приоритетах, с другой – препятствует осознанию в полной мере их возможностей в регуляции повседневной жизнедеятельности. Человек, находясь в постоянном взаимодействии с другими людьми, приходит к необходимости выработки «социокодов, связанных с существованием групп, качественно отличающихся от его собственной»¹⁸. Как уже было сказано выше, кодами, определяющими повседневное бытие, являются жизненный опыт и здравый смысл. В рамках смыслового определения человеческой жизни таким кодом выступают общезначимые для человеческого бытия ценности.

Ценности – феномен, определяющий практически каждую сторону институализации и социализации общества, поскольку эти процессы находятся в прямой зависимости от норм и предпочтений социума. Так, для Античности, когда существовала полисная система, наиболее значимым было достижение человеком определенных успехов в политике, поэтому особенно

почитались ценности политической жизни; в период Средневековья ценности понимались только через определение религиозных устоев и традиций, под которые неизменно подводились даже редко возникающие инновации; в эпоху Возрождения возросла роль гуманистических ценностей; Новое время обозначило ценности научного знания и утвердило ценности техногенной цивилизации, оказавшие существенное влияние на формирование аксиологических приоритетов современного мира.

Ценности не возникают спонтанно и не являются неизменной онтологической данностью, а ведь «изменить мир невозможно, оставаясь лишь в плену старых ценностей и смыслов»¹⁹. Поэтому изменение аксиологических предпочтений обусловлено историческим преобразованием общества, а их закреплению способствует институционализация, при условии что они не противоречат общим установкам социума. Ценности как нормативный стандарт, как социальный код не только отражают культурную особенность общества, но и являются показателем его социальной интеграции, поскольку воспринимаются и принимаются человеком в процессе повседневного освоения действительности, отражают происходящие в социуме социокультурные процессы, мотивируют действия субъекта, определяют смысл его бытия и долженствования.

Таким образом, в процессе формирования норм социального взаимодействия определяющей является повседневность. Это обусловлено тем, что в каждодневных практиках, руководствуясь жизненным опытом и здравым смыслом, общество упорядочивает, стабилизирует, утверждает особенности поведенческих установок и ценностей, которые впоследствии способствуют выработке общих норм социальной деятельности, обеспечивающих организационный порядок и устойчивость нормативной системы через координацию действий субъектов. В процессе институционализации повседневность является универсалией, структурной составляющей субъективного опыта, всегда знающей и с готовностью дающей ответ на вопрос «как?», отражая особенности и специфику общества.

Примечания

- ¹ Корнев Г. Г. *Вещь в сфере повседневности : антропологический подход : автореф. дис. ... д-ра филос. наук.* Барнаул, 2012.
- ² Кирдина С. Г. *Институциональные матрицы и развитие России.* URL: KIRDINA.RU (дата обращения: 10.02.2012).
- ³ Кирдина С. Г. *Институциональные матрицы : макросоциологическая объяснительная гипотеза.* URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_

- content&view=article&id=221 (дата обращения: 10.02.2012).
- ⁴ Цирель С. В. Еще раз о теории институциональных матриц // Соисс. 2003. № 10. С. 146.
- ⁵ См.: Розенберг Н. В. Аналитика культуры повседневности Поволжья : философский аспект : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тамбов, 2010.
- ⁶ См.: Круглов А. Здравый смысл (общепринятый и/или общезначимый) // Словарь. Психология и характеристология понятий. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000.
- ⁷ См.: Полякова И. П. Повседневность в социально-философском контексте : теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2010.
- ⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 88.
- ⁹ Там же. С. 90–103.
- ¹⁰ См.: Шютц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии. М., 2003. С. 268.
- ¹¹ Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски : ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006. С. 38.
- ¹² См.: North D. Institutions, Institutional Changes and Economic Performance. Cambridge, 1990. P. 3.
- ¹³ Коростелева Е. А. Социальная организация. Социальный институт // Всемирная энциклопедия : Философия / под ред. А. А. Грицанова. М. ; Минск, 2001. С. 986, 997.
- ¹⁴ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1999. С. 1355.
- ¹⁵ Устьянцев В. Б. Указ. соч. С. 43–45.
- ¹⁶ Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 283.
- ¹⁷ Устьянцев В. Б. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁸ Гусев С. С. Смыслы возможного. Коннотационная семантика. СПб., 2002. С. 173.
- ¹⁹ Устьянцев В. Б. Указ. соч. С. 25.